

цев-часовенных в какой-то мере изучена (Н.Н.Покровский, 1976), то важнейшие организационные события - соборы этих общин в полной мере не анализировались.

В настоящее время известны решения следующих соборов конца XIX в.: Екатеринбургских 1884 и 1887 гг., Пермского 1888 г., Теренкульского 1889 г., Рамыльского 1890 г. Интересен тот факт, что практически 40 лет уральские часовенные не были объединены, по крайней мере не известны сведения, подтверждающие существование организации. Феномен этот объясним тем, что длительное время шел поиск оптимальной формы для объединения, в условиях быстрого распространения "белокриницкого" священства, продолжающейся дискуссии об "истинном священстве". В социальном плане этот процесс связан с развитием мелкого и среднего капитала в городах, горнозаводских поселках и деревне Урала и Западной Сибири в пореформенный период.

1 мая 1884 г. в доме купца Григория Гордеевича Щербакова собрались представители девятнадцати "христианских обществ" от Екатеринбургского, Красноуфимского, Верхотурского, Камышловского и Ялуторовского уездов и г. Челябинска. Собор унифицировал беспоповскую практику исполнения необходимых треб, реально существующую на Урале уже почти полвека. Однако главным, на наш взгляд, является то, что на соборе вновь зазвучала идея о "поискании правильной хиротонии". Сохранился красочный рассказ участника собора, опубликованный Н.Н.Покровским, из которого мы видим, кто являлся инициатором этих предложений и отрицательное отношение автора рассказа, представителя общин Камышловского уезда, к идее "молодых богатых людей поворотить круто на перелом". И хотя большинство участников собора "сердечно не желают", а нужно это только екатеринбургскому обществу, но "при спросе все наперерыв изъявляют желание", так как многие "у них кредитуются по торговым обстоятельствам;;;" (Н.Н.Покровский, 1992, С.156). Налицо стремление "умных богатых капиталистов" занять руководящее положение в среде урало-сибирских часовенных, со всеми вытекающими из этого положения преимуществами. Однако решение собора о поисках священства было оставлено на усмотрение екатеринбургского общества и реально отложено на неопределенный срок.

Следующий собор проходил в Екатеринбурге в 1887 г. и собрал наставников и доверенных от 33 обществ Пермской, Тобольской и Оренбургской губерний. Интересно то, что впервые в тексте постановления собора, касающегося вопроса крещения, прозвучала фраза: действовать, как принято "у христиан не имеющих священства", причем последние слова взяты в кавычки (Научная библиотека УрГУ. IX 367 р, 15344, Лл.139, об.-142об.. НБ УрГУ. IX.367 р\5344, Лл.139 об. - 142 об.). В решениях собора мы не находим следов дискуссии по поводу поисков священства, однако полагаем, что такая была имела место. Косвенно об этом говорит следующее. "Съезд старообрядческого сословия", собранный в Перми в 1888 г. по вопросу "о приходящих от господствующей церкви", кроме прочего решил поддержать "округ Екатеринбург и других единорев-

нителей по вопросу о поискании хиротонии", так как он был предложен с 1871 г. "и доднесь собранием принято сочувственно" (Братское слово, 1893, Т. 3, С. 252-254). И вновь вопрос "повис в воздухе".

Небольшие соборы местного значения (Теренкульский, Рамыльский и др.) вообще не касались догматических споров и занимались регулированием бытовой и обрядовой практики. Они представляют большой интерес для изучения быта и нравов старообрядцев в конце XIX в.

Окончательная "самоидентификация" часовенных происходит уже после манифеста 17 апреля 1905 г. Всероссийский съезд "старообрядцев, не имеющих священства", 1911 г. завершил длительный процесс становления организации часовенных на Урале и в Западной Сибири.

* * *

Ю. В. КЛЮКИНА
(г. Екатеринбург)

РАЗНОГЛАСИЯ СРЕДИ УРАЛО-СИБИРСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ ЧАСОВЕННОГО СОГЛАСИЯ ПО ПОВОДУ "ПОЛОЖЕНИЯ О СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩИНАХ" 1906 Г.

Причиной внимания к восприятию уральскими часовенными закона о старообрядческих общинах от 17 октября 1906 г. стала статья Е. А. Агеевой о сочинениях старообрядческого писателя Анания Клеоновича Килина. В ней, в частности, говорится, что "Килин принадлежит к широко известному на Урале согласию не принимающих общин..." (Е. А. Агеева, 1997). В ходе археографических экспедиций УрГУ Урал и сопредельные территории за 20 лет (с 1974 г.) были обследованы достаточно хорошо. Однако с представителями "согласия не принимающих общин" встречаться не приходилось. Тем не менее, можно предположить, что в начале XX в., после издания этого "Положения" среди старообрядцев возникли определенные разногласия по отношению к данному закону.

Подробности событий того времени стало возможным выяснить после обращения к журналу "старообрядцев, ныне не имеющих священства" (часовенных), издававшемуся в Екатеринбурге с 1915 г. под названием "Уральский старообрядец". С первых же номеров среди прочих материалов на его страницах появились полемические статьи неизвестного начетчика (являвшегося одним из организаторов журнала) Афанасия Трофимовича Кузнецова, жившего в то время в Черноисточинском заводе. Подчеркивая большое значение права официальной организации общин и "получение таким образом юридических и церковных прав старообрядчеством", данное "Положением" от 17 октября 1906 г., он тем не менее отмечал, что "нашлись, однако, и такие люди, которые в общине видят не что иное, как грех и отступление от веры отцов" (Уральский старообрядец, 1915, № 2, С. 19) Кузнецов называет их

“противообщинниками” и перечисляет приводимые ими причины неприятия вышеуказанного “Положения” (Там же № 6, 7, 8-9, 10):

1. Через посредство общин старообрядцы общаются с великороссийской церковью, отсюда и название будущего объединения - община.

2. Так как общины открываются с разрешения властей, значит власти оставляют за собой право контролировать общины, а следовательно, и притеснять.

3. а) закон 1906 г. издан не от Евангелия и не согласован с преданием св. отцов;

б) закон издан не христианами, а неправильно верующими;

в) закон издан для старообрядцев, а не для христиан, “мы же не старообрядцы, мы православные христиане”.

4. В ст.1 Закона 17 октября 1906 г. объявлена свобода вероисповедания, а один из циркуляров МВД 18 августа 1905 г. разрешает присоединение к зарегистрированной старообрядческой общине только после достижения 21 года и только после представления заявления губернатору, иначе лицо, нарушившее данный порядок, привлекается к уголовной ответственности, а это опять же грозит преследованиями.

5. Как можно допускать, чтобы настоятели общины утверждались губернаторами, которые нередко являются протестантами или католиками.

Вероятно, именно эти пункты стали заключением собора “противообщинников”, состоявшегося 13-15 января 1912 г. в с. Горбуново Верхотурского уезда. Кузнецов упоминает, что среди “вдохновителей” неприятия регистрации общин были “какие-то” скитники: Сергей, Варлаам, Ефросин, Климент” и другие им подобные”.

Однако и во многих уральских деревнях отношение к официальному учреждению общин также было осторожным. Даже во втором по величине центре горнозаводского Урала - Нижнем Тагиле, где была большая и влиятельная община, при голосовании по этому вопросу часть “престарелых старообрядцев” была настроена отрицательно, а “ярый противообщинник Шамин разорвал лист на мелкие части и бросил на пол, говоря: “Наши деды никаких общин не знали, не надо знать их и нам”. “Община” там так и не была принята. Подобная ситуация, вероятно, складывалась и в Сибири. По сообщениям из Бийска и Барнаула в редакцию “Уральского старообрядца”, к началу 1916 г. там не было зарегистрировано ни одной общины. Намечалось своеобразное противостояние. В указанных сибирских городах екатеринбургских часовенных стали рассматривать как уклонившихся, отпадших. Один из бийских часовенных - Гр. Белоглазов “чуть был не отсечен, как гнилая часть от здорового телеси церкви” из-за отсылки им приветственного адреса 1-му Всероссийскому съезду старообрядцев часовенных (проходил в Екатеринбурге в 1911 г.), напечатанного в “Трудах” съезда (Екатеринбург, 1912 г.).

Развернулась полемика по этому вопросу, возможно, помешали события 1917 г. и последующих десятилетий. Часть старообрядцев из зарегистрированных общин могла попасть под религиозные пре-

следования с конца 20-х гг. Очевидно, поэтому не сохранилось явных свидетельств нового разделения староверов. Тем не менее, при более пристальном рассмотрении выясняется, что немалая часть старообрядцев не спешила воспользоваться свободами, дарованными Положением 17 октября 1906 г., посчитав, что существование общины de-facto удовлетворительно, и необязательно придавать ей юридический статус.

* * *

А. И. КОНЮЧЕНКО
(г. Челябинск)

СТРУКТУРА ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Окончательно сложившись во второй половине XX в., система духовного образования России не претерпела значительных изменений на протяжении от начала XX в. вплоть до 1918 г. На 1914 г. в стране, делившейся в церковно-административном отношении на 62 епархии и экзархат, действовало 4 духовных академии, 57 семинарий и 185 училищ. Все высшие богословские школы и большая часть духовных семинарий и училищ располагалась в Европейской России. На территории Урала и Сибири, представленной 13 епархиями (Пермской, Екатеринбургской, Уфимской, Оренбургской, Тобольской, Омской, Томской, Енисейской, Иркутской, Забайкальской, Якутской, Благовещенской, Владивостокской) действовало лишь 17 училищ, что составляло 9,2% всех начальных духовных школ России - Пермское, Соликамское, Екатеринбургское, Камышловское, Уфимское, Оренбургское, Челябинское, Тобольское, Курганское, Ишимское, Томское, Барнаульское, Красноярское, Иркутское, Читинское, Якутское, Благовещенское, и 9 семинарий (15,8% средних богословских школ страны) в Перми, Уфе, Оренбурге, Тобольске, Томске, Красноярске, Иркутске, Якутске и Благовещенске.

По степени развитости структуры духовного образования все епархии страны можно разделить на 4 группы и показать их полный состав, чтобы отметить особенности Азиатской России в сравнении с ее Европейской частью.

1. Епархии, не имевшие духовно-учебных заведений - Владивостокская, Туркестанская и Финляндская.

2. Епархии с незавершенной структурой духовного образования: без семинарии - Варшавская, Гродненская, Екатеринбургская, Омская. Но в этих епархиях были духовные училища, причем в Екатеринбургской даже два.

3. Епархии со среднеразвитой структурой - семинария и 1-3 училища. По одному училищу имели Архангельская, Астраханская, Благовещенская, Владикавказская, Енисейская, Забайкальская, Иркутская, Литовская, Петроградская, Рижская, Таврическая, Уфимская, Холмская, Якутская; по два - Донская, Калужская, Олонецкая, Оренбургская, Пермская, Полоцкая, Ставропольская, Тобольская, Томская; по три - Екатеринославская, Казанская,